

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Загадка стихотворения Иосифа Бродского «Одному тирану» (январь, 1972)¹

Загадка, собственно, такая: о каком конкретно государственном деятеле идет речь в стихотворении? Заместителем чьего имени служит местоимение «он», настойчиво, пять раз, повторенное в тексте?

Поскольку читатель пытается разрешить загадку поэта, последовательно накапливая «подсказки», то есть, знакомясь со стихотворением — строка за строкой — нам представляется плодотворным попытаться повторить этот путь, не слишком торопясь с выводами, не стремясь поскорее огласить предполагаемую отгадку.

1

Первая неожиданность поджидает нас уже при соотнесении названия стихотворения Бродского со всем его текстом. Прямое обращение к тирану в заглавии ясно подсказывает читателю, что дальше ему предстоит встреча с почтенным жанром гражданского послания, может быть, в духе эталонного державинского стихотворения «Властителям и судиям»:

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

и проч².

Однако жанровые ожидания читателя не оправдываются. Ни одного прямого обращения к тирану в тексте он не находит.

¹ Благодарю Д.Н. Ахапкина, Э. Вайсбанда, Т.Т. Гузаирова, Д.А. Иванова, Л.Н. Киселёву, А.А. Кобринского, Е.Э. Лямину, Г.В. Обатнина, А.Л. Осповата, Л.Л. Пильд, Д.М. Хитрову, Ю.Г. Цивьяна за участие в обсуждении доклада, положенного в основу этой заметки.

² Реминисценцию из стихотворения Державина «Река времен, в своем стремленьи...» можно при желании усмотреть в каламбурном зачине второй строфы стихотворения «Одному тирану»: «И время проглотило эту месь».

Почему? К этому вопросу мы еще вернемся, а пока начнем разговор о первой строфе стихотворения:

Он здесь бывал: еще не в галифе —
в пальто из драпа; сдержанный, сутулый.
Арестом завсегдагаев кафе
покончив позже с мировой культурой,
он этим как бы отомстил (не им,
но Времени) за бедность, униженья,
за скверный кофе, скуку и сраженья
в двадцать одно, проигранные им.

Кажется совершенно очевидным, что любой русскоязычный читатель образца января 1972 года (а для такого читателя стихотворение Бродского и предназначалось), с неизбежностью воспринимал близкое соседство существительных «тирану» (в заглавии) и «галифе» (в первой строке) как прямое указание на Сталина. Возникшую ассоциацию подкреплял эпитет «сдержанный» во второй строке и, особенно, словосочетание «мировой культурой» в четвертой. Это словосочетание, вообще говоря, довольно распространённое и никакой цитатой не являющееся, в нашем случае почти наверняка восходит к определению акмеизма, сформулированному Осипом Мандельштамом: «Акмеизм — это была тоска по *мировой культуре*»³. Мандельштамовское устное определение получило широкую известность совсем незадолго до того, как Бродский написал стихотворение «Одному тирану»: его привела в своих «Воспоминаниях», вышедших в Нью-Йорке, в 1971 году, Надежда Яковлевна Мандельштам⁴. Позднее Бродский процитирует это определение в статье о старшем поэте «Сын цивилизации» 1977 года: «Не то чтобы Мандельштам был «культурным» поэтом, он был скорее поэтом цивилизации и для цивилизации. Однажды, когда его попросили определить акмеизм — литературное движение, к которому он принадлежал, — он ответил: «*Тоска по мировой культуре*»⁵. Завсегдагай артистических кафе, страстный любитель рогаликов и кофе, Мандельштам был арестован и убит если не по личному указанию, то по произволу Сталина.

³ Здесь и далее курсив в цитатах везде мой. — О. Л.

⁴ «На вопрос, что такое акмеизм, О.М. ответил: «Тоска по мировой культуре»» (Мандельштам Надежда. Воспоминания. New York, 1971. С. 264).

⁵ Сочинения Иосифа Бродского. Т.V. СПб., МСМХСІХ.С. 96.

Впрочем, само описание посещений артистического кафе будущим тираном, развернутое в 7-ой — 8-ой строках стихотворения Бродского, способно привести читателя в нешуточное замешательство. Такое времяпрепровождение (как и страсть к картам), не входит в автобиографический миф ни Сталина, ни какого-либо другого деспотического властителя. Лишь Ленин, судя по мемуарам Ильи Эренбурга, пребывая в эмиграции, посещал парижские кафе, но эти посещения носили сугубо эпизодический характер, да и предпочитал будущий вождь мирового пролетариата не кофе, а пиво: «Разве понимал официант кафе на авеню д'Орлеан, что о господине, который заказывает кружку пива, восемь лет спустя будет говорить весь мир?»⁶

Правда, тот же Эренбург в первой редакции своего самого известного романа «Хулио Хуренито» так изобразил визит главного героя в сопровождении alter ego автора в Кремль, к некоему «важному коммунисту»: «Я не боялся ни пушек, ни пулеметов <...> и вдруг испугался добродушного дяди, который пять лет тому назад был в Париже моим соседом и *пил «боки» в излюбленном мною кафе*»⁷. При этом имени «важного коммуниста» Эренбург, как и Бродский, не называет, подчеркивая только, что это был не Ленин и не Троцкий (действие разворачивается в 1918 году).

Отметив для себя явную нестыковку фигуры Сталина с декорациями богемного кафе, читатель с возрастающим интересом приступает ко второй строфе, надеясь найти там преодоление и/или объяснение возникшей неувязки.

2

Но вторая строфа читательских недоумений отнюдь не рассеивает:

И время проглотило эту месть.
Теперь здесь людно, многие смеются,
Гремят пластинки. Но пред тем, как сесть
За столик, как-то тянет оглянуться.
Везде пластмасса, никель — все не то;
В пирожных привкус бромистого натра.
Порой, перед закрытьем, из театра
Он здесь бывает, но инкогнито.

⁶ *Эренбург Илья*. Люди, годы, жизнь // Эренбург Илья. Собрание сочинений: в 9-ти тт. Т. 8. М., 1966. С. 64.

⁷ *Эренбург Илья*. Хулио Хуренито // Эренбург Илья. Полное собрание сочинений. Т. 1. М. — Л., 1928. С. 257.

Выясняется, что кафе, о котором шла речь в первой строфе до сих пор существует и посещается тираном, причем описывается оно как странный конгломерат советских и западных заведений подобного рода. «Гремят пластинки» (3-я строка второй строфы) для 1972 года — это явно о западном кафе; «в пирожных привкус бромистого натра» (6-я строка) — это, скорее, отечественная примета. Уж не подразумевается ли у Бродского кафе, хотя и в советской, но все же — Прибалтике, например, в Литве? Первым секретарем ЦК компартии этой республики тогда продолжал оставаться «карликовый Сталин», Антанас Снечкус, в 1940 — 1941 годах отметившийся массовыми арестами и ссылками так называемых «буржуазных специалистов», «националистов» и других неугодных советской власти граждан⁸.

Разумеется, Снечкус ни в какое вильнюсское кафе в 1972 году в галфе не заявлялся. К тому же в предпоследней строке второй строфы стихотворения вновь возникает мотив, провоцирующий внимательного читателя вспомнить о Сталине и его взаимоотношениях со знакомыми отечественными представителями «мировой культуры»: как все знают, «кремлевский горец» был регулярным посетителем спектакля «Дни Турбиных», поставленного Художественным театром по пьесе Михаила Булгакова. Напомним, что в проезде Художественного театра (Камергерском переулке) по соседству со зданием МХАТа долгие годы располагалось известное на всю Москву артистическое кафе.

3

Зачин третьей, заключительной строфы стихотворения «Одному тирану» «сталинские» ассоциации еще усиливает:

Когда он входит, все они встают.
Одни — по службе, прочие — от счастья.
Движением ладони от запястья
он возвращает вечеру уют.
Он пьет свой кофе — лучший, чем тогда,
и ест рогалик, примостившись в кресле,
столь вкусный, что и мертвые «о да!»
воскликнули бы, если бы воскресли.

В 3-ей — 4-ой строках этой строфы очень точно описан характерный и многократно зафиксированный в газетных отчетах жест вождя, успокаивающий истово и стоя аплодирующих людей: «Хватит

⁸ Но его приемным сыном был известный литовский диссидент, знакомый Бродского, Александр Штромас.

уже, садитесь!»⁹ Но, возможно, в четырех начальных строках третьей строфы содержится и намек на ревнивую реплику Сталина, якобы прозвучавшую после того, как в 1946 году, на вечере, посвященном 25-летию со дня смерти Блока, весь зрительный зал поднялся, приветствуя Анну Андреевну Ахматову: «Кто организовал вставание?» У Бродского лишь часть присутствующих поднимается «от счастья», остальные привычно встают «по службе»¹⁰.

Но в последних четырех строках стихотворения «Одному тирану» никакие биографические противоречия и нестыковки, по-прежнему, не снимаются. Диктатор, наслаждающийся роголиком с кофе, абсолютно лишен индивидуальных черт лица, следовательно, его жертвы, упомянутые в предпоследней строке, могут быть «мертвыми» из ГУЛАГа, так же как из Освенцима или, скажем, из франкистского Мадрида...

Подведем краткие итоги. Фантастическая, никогда не имевшая места в реальности ситуация, в которой оказывается в стихотворении Бродского «Одному тирану» вполне узнаваемый советский властитель¹¹, превращает его в фигуру обобщенную и символическую¹². Как

⁹ Мы никак не можем согласиться с Л.В. Лосевым, усмотревшим в этих строках описание фашистского приветствия: какое может быть возвращение юуга после такого жеста?

¹⁰ Виктор Куллэ обнаружил в разбираемых строках Бродского реминисценцию из песни Булата Окуджавы «Когда известный русский царь в своей поддевочке короткой...»: «...входил в присутствие, то все присутствующие вставали» (*Куллэ Виктор*. Окуджава как фактор влияния. К вопросу о некоторых параллелях творчества И. Бродского и Б. Окуджавы // *Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века*. М., 2001 = <http://www.liter.net/=Kulle/br-okudzhava.htm>).

¹¹ Не намекает ли волшебное перемещение генералиссимуса из гроба в кафе 1970-х годов на его реабилитацию тихой сапой начатую в СССР именно на рубеже 1960-х — 1970-х годов и к 1971 году (год смерти сокрушителя Сталина — Никиты Сергеевича Хрущева) уже отчетливо ощутимую в общественной атмосфере страны? Напомним, что в 1970 году у того места в Кремлевской стене, где захоронили прах Сталина, был установлен его бюст, о чем Бродский упоминает в своем эссе «Размышления об исчадии ада» 1973 года.

¹² Не вполне точным кажется нам суждение такого проницательного читателя Бродского, как Я.А. Гордин, который полагает, что «стихи «Одному тирану» вовсе не есть портрет Сталина или Гитлера, или того и другого вместе. Это предельно конкретизированная, но очень обширная метафора» (*Полухина Валентина*. Бродский глазами современников. СПб., 1997. С. 69). Да, тиран у Бродского — фигура обобщенная, и все же черты Сталина в нем опознаются безошибочно.

писал сам поэт, рассматривая феномен сталинизма в эссе 1973 года «Размышления об исчадии ада»: «Когда речь идет о человеческих существах, вообще лучше уклоняться, елико возможно, от всяких обобщений, и если я это себе позволяю, то потому, что судьбы в то время были предельно обобщены»¹³.

По-видимому, именно поэтому Бродский отказывается от обращения к тирану в своем псевдопослании: какой смысл к нему звать, если следующему властителю «и духовно, и в других отношениях» «предстоит стать точной копией покойника» (из эссе поэта «О тирании») ¹⁴?

¹³ Сочинения Иосифа Бродского. Т. VII. С. 78. Характерно, что целым списком правители-деспоты представлены в эссе поэта «О тирании» 1980 года: «Вспомним Ленина, Гитлера, Сталина, Мао, Кастро, Каддафи, Хомейни, Амина и проч.» (Сочинения Иосифа Бродского. Т.V. СПб., МСМХСІХ.С. 86). Среди этих «и проч.» можно назвать, например, Муссолини, или никарагуанского диктатора Анастасио Сомоса Дебалье, или тогдашнего престарелого властителя Испании — генерала Франсиско Франко, которому в 1972 году исполнялось восемьдесят лет. Из этого списка в советских газетах января 1972 года, кроме, разумеется, Ленина, наиболее часто упоминался Мао Цзэдун. См., например: Позорная позиция клана Мао // Правда. 1972. 13 января. С. 5; Двучичие маоистов // Правда. 1972. 15 января. С. 5; Кризис маоизма углубляется // Правда. 1972. 19 января. С. 5; Истинное лицо маоизма // Правда. 1972. 20 января. С. 5. О стихотворениях Бродского на тему тирании см.: *Вейцман А.* Брежнев глазами Бродского: восприятие старческой тирании // Слово/Word. 2008. №57.

¹⁴ *Бродский Иосиф.* О тирании // Сочинения Иосифа Бродского. Т.V. С. 89. Затем (можно было бы на это ответить), что стихотворение «Одному тирану» написано русским поэтом на русском языке и для русского читателя, уже в то время прекрасно ощущавшего весьма чувствительную разницу между Лениным, Сталиным, Берией и, скажем, Франко. Такой читатель, несомненно, мог счесть произволом и пошлостью попытку приставить к носу Иосифа Виссарионовича бороду Фиделя, как уже в перестроечные годы многих чутких зрителей покорило бериевское пенсне, заблестевшее из-под рыцарского шлема в этапном для истории новейшей России фильме «Покаяние», поставленном Тенгизом Абуладзе. «Да, конечно, все диктатуры на свете похожи одна на другую, но кроме этой, бесспорной, истины есть еще и другая, противоположная и тоже бесспорная: ни одна диктатура не похожа ни на какую другую, всякая несет в себе свои особые, национальные и исторические черты, — писал тогда в рецензии на «Покаяние» Юрий Карабчиевский. — И нам, пережившим *нашу* диктатуру и еще переживающим ее последствия, важны именно эти черты, наши родные, со всем, что в них входит: символика, жесты, одежда, быт, привычки, словарь...» (*Карабчиевский Юрий.* В поисках уничтоженного времени // Искусство кино. 1989. №4. С. 38).